

языках // Слово в пространстве языка : материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф. Ульяновск, 2011. С. 162–172.

*Шайбакова Л. Ф., Климов Е. А.* Современное состояние титанового производства в России // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек : сб. науч. тр. VIII Уральских научных чтений профессоров и докторантов общественных наук / Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, 2021. С. 169–176.

*Язовских Е. В., Лапшина С. Н., Чэнь Х.* Трудности перевода технических терминов с китайского языка на русский и с русского языка на китайский и их преодоление // Вестник педагогических наук. 2022. № 2. С. 44–49.

### ИСТОЧНИК

Alpha-beta alloys // Titanium Metal: Market Outlook to 2015. London, 2010. P. 167–169.

**Лобанова Л. А.**  
*студент УрФУ*

## **РОЛЬ ЭКЗОТИЗМОВ В РАСКРЫТИИ ВРЕМЕННОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОНТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО АРХИВА ГЕРТРУДЫ БЕЛЛ)**

В настоящее время всё бóльшую популярность набирает использование экзотизмов в современной английской речи. Закрепляясь в ней и порой адаптируя свое значение, экзотизмы и варваризмы буквально «слетают с языка» англоговорящего населения [Шалай, Хлыстова 2017]. Данная тенденция не обошла стороной и заимствования из арабского. К причинам роста их популярности можно отнести рост численности «арабских» диаспор в Европе, Великобритании, США и Канаде; усиление кросс-культурных связей между представителями арабских стран и стран Запада; популяризацию постколониальной литературы с третьей четверти XX в. на фоне критики «империализма»; рост популярности мультикультурной литературы в XXI в. (см.: [Huggan 2001: 28]), а также фактор развития глобальной интернет-коммуникации.

Понятие экзотизма в европейских и отечественных исследованиях существенно отличается. Так, в «Словаре лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой экзотизмы определяются как «слова и выражения, заимствованные из других, часто малоизвестных, языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита» [Розенталь, Теленкова 1985: 350], в то время как Е. И. Беглова делает упор

на гносеологической функции экзотизмов, отмечая, что использование подобных заимствований приводит «к обогащению знания адресата в разных сферах: культуры, языка, истории, природы, животного мира» [Беглова 2019: 64] страны-донора. Другие исследователи предпочитают вообще не выделять доминирующую функцию таких лексем, указывая, что «один и тот же экзотизм... может одновременно выполнять целый ряд стилистических функций» [Кузина 2017: 32] и что сами функции разграничиваются нечетко.

В западных же трудах экзотизмы в основном фигурируют в контексте исследований ориентализма. Через призму теории, предложенной Э. Саидом, экзотизмы предстают в качестве инструментов формирования образа «другого», что достигается посредством использования метафор, мифов, стереотипов и прочих идей, создаваемых и воспроизводимых на дискурсивном уровне, с целью передачи упрощенных и искаженных образов, воображаемых карт мира или географических областей [Huggan 2001: 13]. Таким образом, в данном случае экзотизмы рассматриваются не как отдельные заимствования, а в качестве одной из составляющих целого комплекса представлений.

На протяжении веков в подобных описательных системах положение «иногo» занимал именно Восток, несмотря на всю условность и вариативность отводимых ему географических границ. Так, одним из источников проникновения «экзотической лексики» в повседневный английский язык можно считать многочисленные травелоги, пользовавшиеся особым спросом у публики во второй половине XIX – начале XX вв. В академическую среду экзотизмы, кроме того, попадали из отчетов, эссе и научных работ «энтузиастов», занимавшихся исследованиями или администрированием «на чужбине». На основании этого постколониальные критики утверждают, что появление экзотизмов (в их «европейском» понимании), связано в первую очередь с реакцией западного путешественника на культурные различия, а также с асимметрией в отношениях между колонизаторами и местным населением: «...использование экзотизмов в записках о колониальных путешествиях было уместно, поскольку помогало выстроить дихотомию “мы–другие”, чтобы оправдать имперское вмешательство в другие страны» <перевод наш. Л. Л.> [Ghaderi, Yahya 2014: 123].

В случае Ближнего Востока яркими представителями жанра «заметок путешественника» стали сочинения В. Сэквилл-Уэст и Р. Форбс, появившиеся в результате краткосрочных вояжей и продолжившие тен-

денцию к романтизации «чарующего» Востока, повсеместно начатую в литературе еще с перевода Антуаном Галланом в 1706 г. сборника «Тысяча и одна ночь». Тем не менее, существовали и более академичные труды таких авторов, как И. Берд, Э. Блант, Ч. Даути и др., во многом способствовавшие формированию научного представления о регионе на рубеже веков. В частности, работа Ч. Даути «Travels in Arabia Deserta» (1888) стала настольной книгой для подготовки будущего «света» британской ближневосточной разведки начала XX в. Оттуда представители «нового поколения» исследователей и управленцев черпали свои первоначальные представления о Востоке «на стыке идеализации и эмпирики» [Там же].

Не стала исключением и Гертруда Белл (1868–1926), английская путешественница, писатель, археолог, арабист, чей личный архив и многочисленные труды стали одним из наиболее ярких примеров подобного синкретизма. В общем контексте периода конца XIX – первой четверти XX в. личность Г. Белл представляет некий «вызов» привычному пониманию роли, отведенной женщинам в викторианской Англии. Так или иначе, в течение своей деятельности, помимо многочисленных экспедиций по Аравийской пустыне, Сирии, Анатолии и т. д., Г. Белл удалось принять участие в создании «новой карты» Ближнего Востока – формировании государств в рамках британского мандата и определении внешнеполитического курса Англии в регионе. Компетенции и опыт, полученные за годы экспедиций и административной деятельности, позволили Белл сформировать широкое представление как о политической, так и о вполне «бытовой» культуре Среднего Востока, что впоследствии, в годы деятельности в Ираке (1916–1926), позволило путешественнице заручиться поддержкой местного населения. Симпатия не осталась безответной – в сочинениях Белл явно прослеживается искреннее участие в судьбе будущих иракцев. Исходя из этого, даже несмотря на кажущуюся очевидной принадлежность Г. Белл к плеяде «викторианских деятелей», чьи труды обычно строились по принципу «возвеличивания» Британии на фоне подчиненных народов, ее работы и личный архив не подлежат рассмотрению сугубо в рамках утверждения превосходства империи на Ближнем Востоке.

Таким образом, ввиду большого разнообразия сочинений путешественницы для достижения конкретики относительно целей использования экзотизмов в работах Г. Белл каждую из представленных групп источников следует рассматривать по отдельности. В данной статье

предметом исследования выступает корреспонденция и дневники путешественницы.

Одной из наиболее характерных черт личного архива Г. Белл, помимо распространенных «бытовых экзотизмов», является локальная социально-политическая терминология, полноценные рецитации диалогов, а также словообразование в соответствии с нормами арабского языка. Чаще всего подобная лексика имеет окказиональный характер и комментируется самим автором. Примером этого могут послужить письма близким или коллегам, не владевшим арабским языком. Так, в письме к отцу от 21 августа 1921 г. Г. Белл повествует о буднях иракской администрации и переговорах будущего короля с местными элитами: «...I said “Have you talked it over with *Saiyidna* Faisal – our Lord Faisal?”» [Gertrude Bell to her father, 21 August 1921] (рус. «...Я спросила их: “Вы уже обсудили это с нашим господином Фейсалом?”») <Перевод наш. Л. Л.>). В иных случаях путешественница дает прямой перевод отдельных речевых сегментов: «Faisal uses no honorifics: “*Enti*” he says to me – it’s so refreshing after the endless “honours” and “excellencies” – “*Enti ‘Iraqiyah, enti badawiyah* – you’re a Mesopotamian, a Beduin”» [Gertrude Bell to her father, 28 August 1921] (рус. «“Ты”, сказал он мне – после бесконечных “почестей и превосходительств” – “Ты *иракчанка*, ты *бедуинка*”). <Перевод наш. Л. Л.>). В первую очередь наличие подобных комментариев от самой Белл указывает на неассимилированный характер лексем. Более того, использование титула *saiyidina* – «наш повелитель», а также этнонимов *‘iraqiyah* – «жительница Ирака, иракчанка» и *badawiyah* – «бедуинка» представляет собой прямую кальку арабского словообразования в английской транслитерации, где личное окончание «-па» в *saiyidina* выступает в значении «наш», а этнонимы являются субстантивированными прилагательными женского рода, образованными от топонима «Ирак» и этнонима «бедуин».

Данные словоформы используются Г. Белл неслучайно: помимо придания «аутентичности» тексту, путешественница также подчеркивает характер полуформальных взаимоотношений (эмоциональная характеристика) с первым королем Ирака, Фейсалом I ибн аль-Хашими, что в тексте отражено с помощью арабского местоимения *enti* – «ты», которое правитель адресует Белл вместо привычных гоноративов, используемых в арабском высоком стиле. В то же время интерес вызывает интерпретация слова *‘iraqiyah* Г. Белл как *Mesopotamian*, что, с учетом датировки письма, может свидетельствовать, во-первых, о том, что

на момент его отправки государство Ирак еще не было провозглашено официально, а во-вторых, об отсутствии «иракской национальной идентичности» как сформировавшегося явления<sup>1</sup>. Таким образом, помимо «придания колорита» тексту, экзотизмы в письмах Г. Белл приобретают значение «ключевых слов» при рассмотрении материала в исторической перспективе.

Характерным отличием дневников от корреспонденции путешественницы является отсутствие каких-либо пояснений для экзотизмов. Например, в записи от 26 января 1914 г. путешественница приводит диалог с местным жителем по поводу разорительной «системы» аравийских податей: «If the govt. had a *kanun* it wd not matter <...> There is no settlement of a suit but with *bakhshish*» [Gertrude Bell's diary, 26 January 1914] (рус. «Если бы правительство обладало законом, это бы не имело значения <...> иск никак не регулируется, кроме как бахшишем». <Перевод наш. Л. Л.>). Здесь экзотическая лексика употребляется не только как маркер хронотопа (ср. *kanun* – «закон», *bakhshish* – «подарок, подношение»), но и в силу отсутствия достаточно близких по смыслу эквивалентов в английском языке.

Отдельного внимания заслуживает прием макаронизации речи (см.: [Ким 2014: 297]), используемый Г. Белл для иллюстрации особенностей местного наречия, а также с целью демонстрации собственного иронического отношения к «чужеродности» политических идей, проникавших в регион с Запада: «The other day a Shammar *shaikh* up from Hail drops in to call. “Are you a *Damakrati*?” says the *Naqib*. “*Wallahi*, no!” says the Shammar, slightly offended. “I’m not a *Magrati*. What is it?”» [Gertrude Bell to her father, 21 August 1921] (рус. «На днях шейх племени Шаммар прибыл из Хаила, чтобы совершить звонок. “Ты демократ?” спросил накиб. “Клянусь Богом, нет!” обиженно ответил шаммарит. “Я не *макрат*. Что это вообще?”»). <Перевод наш. Л. Л.>). В этом диалоге вновь фигурируют лексемы, демонстрирующие социальный статус участников общения (*shaikh* – вождь племени или эмир, *naqib* – категория шейхов, занимавшихся делами потомков Пророка), а также повсеместно использующиеся как Белл, так и носителями языка фразовые вкрапления, происходящие из религиозного лексикона (*wallahi*). Имеет место словообразование по этнонимической модели с помощью суффикса *-i*:

<sup>1</sup> Г. Белл рассматривала иракскую идентичность скорее как «общемесопотамскую», нежели «собственно-иракскую», формирование которой должно было произойти на базисе первой.

*Shammar – Shammari* (от арабского притяжательного прилагательного «شَمْرِي» – «член племени Шаммар», ср. оттопонимические образования типа *Iraq – Iraqi*). По тому же принципу соционим *демократ* искажается до *damakrati* – тем самым Г. Белл демонстрирует нелепость попыток наложения «западных» концепций на «восточное» общество.

Итак, экзотизмы в английском языке представляют широкое поле для изучения. При анализе источников экзотизмов необходимо учитывать контекст создания произведения; личность автора, его статус; назначение источника. Общей для разных экзотизмов представляется функция маркирования хронотопа, чаще всего в художественных целях.

Яркой идиостилевой приметой личного архива Гертруды Белл являются экзотизмы-ориентализмы – не освоенные в английском заимствования из восточных языков. В некоторых случаях путешественница переводит эти лексемы либо передает их путем калькирования; в других случаях, при использовании рецитации диалогов, читателю самому предоставляется возможность догадаться о значении слова. Весомая часть заимствований из арабского языка, используемых Г. Белл, сохраняет по отношению к научному языку востоковедческих исследований жаргонный, сленговый оттенок; широкому читателю без контекстных и исторических пояснений эти лексемы в принципе непонятны.

На основании этого можно сделать вывод о том, что, помимо воссоздания хронотопа, экзотизмы также могут выполнять когнитивную функцию. Эти лексемы знакомят читателя не только с культурными особенностями, но и с историей и социальными феноменами региона языка-донора. При интерпретации экзотизмов и их переводе на другой язык особенно важен авторский комментарий, позволяющий облегчить читательское восприятие.

#### ЛИТЕРАТУРА

Беглова Е. И. Особенности функционирования экзотизмов в текстах современных печатных СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1. С. 61–65.

Кузина М. А. Экзотизмы v. варваризмы: функционирование в англоязычном художественном тексте (на примере мультикультурных романов авторов индийского происхождения) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3. С. 29–33.

Шалай Н. А., Хлыстова В. Г. Неассимилированные заимствования в современном английском языке // Молодые голоса : материалы II Всерос. лингвометод. конф. Анапа, 2017. С. 187–190.

Ghaderi F., Yahya W. R. W. Exoticism in Gertrude Bell's Persian Pictures // Victorian Literature and Culture. 2014. Vol. 42. No. 1. P. 123–138.

*Huggan G.* The Postcolonial Exotic: Marketing the Margins. Abingdon, 2001.

### СЛОВАРИ

*Ким И. Е.* Макаронизм // Эффективное речевое общение : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 297–298.

*Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.

### ИСТОЧНИКИ

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell, 21 August 1921 // Gertrude Bell Archive [электронный ресурс]. URL: [http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter\\_details.php?letter\\_id=500](http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=500).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell, 28 August 1921 // Gertrude Bell Archive [электронный ресурс]. URL: [http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter\\_details.php?letter\\_id=501](http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=501).

Gertrude Bell's diary, 26 January 1914 / Gertrude Bell Archive [электронный ресурс]. URL: [http://www.gerty.ncl.ac.uk/diary\\_details.php?diary\\_id=1083](http://www.gerty.ncl.ac.uk/diary_details.php?diary_id=1083).

**Мельникова А. В.**  
*магистрант УрФУ*

## ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АНИМАЦИОННОМ СЕРИАЛЕ «КОНЬ БОДЖЕК»: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ СКОРОГОВОРОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод языковой игры (далее также ЯИ) в художественных произведениях зачастую может оказаться сложной задачей как для начинающих переводчиков, так и для профессионалов. Особенности и проблемам перевода ЯИ посвящено множество научных работ (см., в частности: [Мошкович В. В., Мошкович В. М. 2016; Kalinina 2020]). Языковая игра может рассматриваться как творческий, лингвистический эксперимент, основывающийся на намеренном неканоническом использовании языковых единиц и включающий множество явлений и тропов (спунеризмы, метафоры, перифразы и др.) [Колосова 2015]. Многие исследователи сходятся в том, что основные функции ЯИ – юмористическая и эстетическая, однако, согласно работам Д. Делабастига, ЯИ также обладает силой убеждения, акцентируя внимание читателя/слушателя на утверждении и обходя социально обусловленный рефлекс, направленный против каких-либо запретных тем, из-за чего ЯИ часто встречается в рекламных текстах (см.: [Aleksandrova 2019]).

Описанную функцию ЯИ игра выполняет в анимационном сериале «Конь Боджек» (2014). По задумке создателя, юмор привлекает зрителей